

Часть первая

24

Врач сказал, что если она не остановится, то умрёт через пару лет.

Фэй страшно разозлилась, нехрен её программировать на такое, и даже хотела подать в суд. Да что там, она сходила к адвокату на бесплатную консультацию. Собственного поверенного пока решила не ставить в известность, но повсюду есть выжиги, которые выуживают рыбу из мутной воды, завлекая клиентов объявлениями «вы платите только в случае успеха!». Но приди к ним, и окажется, что и в случае неудачи издержки всё равно на тебе, горы каких-то подводных камней и вообще: «мисс Гейз, не уверен, что это дело можно выиграть».

— Он всего лишь делал свою работу, врач обязан сообщать пациенту о рисках. — Лощёный адвокатиска с некоторой тревогой следил за ней.

Точнее, он беспокоился о судьбе ветхого офисного стула, на котором сидела Фэй, и вздохнул с облегчением, когда она собралась уходить. Даже подсластил пилюлю на прощание:

Марта Хетра

— Но всё же сохраните мой телефон, мисс Гейз, вам может понадобиться поддержка. Вы не представляете, сколько исков выигрывают люди ваших... вашей комплекции — против авиаперевозчиков, заведений с узкими дверными проёмами, производителей бесполезной еды, кресел, унитазов.

Он хохотнул, но, поймав разъярённый взгляд Фэй, немедленно заткнулся и до двери провожал её с непроницаемым выражением лица.

Тут он был прав, девушку весом в триста пятьдесят фунтов злить не стоит.

На самом деле он действительно мог пригодиться, если бы не был таким мерзопакостным. Многие из её клуба держали под рукой крючкотворов, чтобы при случае прищучить крупную компанию, которая провинилась перед такими, как они. В воздухе летали миллионные иски — о физическом ущербе, нанесении моральных травм и неуважительном обращении.

— Не выиграем, так хоть развлечёмся, — говорила её приятельница Розмари-346. — Они у нас попляшут, фетшеймеры, лукисты и мизогины, ублюдки тощие.

— А мизогины-то они почему? — спросила Фэй, несколько утомлённая её энергией. Дамы сидели в кафе на широких диванах, обтянутых красной кожей, и ждали заказ.

— А потому что не бывает женщин без целлюлита, — тут же закипела Розмари. Она, впрочем, и не остывала никогда. — Это как сиськи и вагина, есть у всех, вопрос только в размерах, у одних больше,

Малька и разговоры, что о море

у других меньше. А эти уроды втолковывают поколениям девочек, что красота — это когда у тебя такого нет.

— Вагины?! — изумилась Фэй.

— Целлюлита!

Фэй нравилось слегка злить Розмари, так-то она прекрасно понимала, о чем речь, эта тема муссировалась уже многие годы, надо оглохнуть и ослепнуть, чтобы оказаться не в курсе бодипозитивных лозунгов. В сущности, их «клуб 333» создавался на той же волне. Туда не принимали людей, чей вес был ниже трёхсот тридцати трёх фунтов, а похудевших торжественно исключали. Каждый раз глава клуба Морган-431 произносил осторожную речь, в которой желал уходящему удачи и шутил, что их двери для него не закрыты. «Мы рады, что ты нас покидаешь, но не станем порицать, если вдруг вернёшься. В конце концов, всегда существует пространство для роста, есть ещё клубы 444, 555 и, свят-свят-свят, 666». Ха-ха-ха. Очень-очень смешно.

Иногда Фэй чувствовала, что ненавидит цифры. Весь мир свёлся для неё к числам — на весах, в медицинской карте, на сантиметровой ленте. Только и разговоров у людей — сколько весишь, похудела или прибавила, какой у тебя процент жира, объёмы, а ты поместишься в этом кресле? Вот как родится человек, нацепляют на него бирку с унциями-дюймовами и показателями по шкале Апгар, так всю жизнь он с ней и ходит, только цифры меняются и добавляются новые. Возраст, коэффициент интеллекта, уровень дохода, длина члена или размер сисек, число подписчиков на твоём канале в Инста-

Марта Хетра

грам — да мало ли чем люди измеряют успешность друг друга. И если сам не хочешь играть в эти игры, всё равно тебя взвесят, измерят и посчитают. «Мене, текел, упарсин»^{*} пылают на каждой стене, в каждой голове, но толстяков на этом огне просто поджаривают.

Теперь ко всему в голове Фэй появилось табло обратного отсчёта: ещё в феврале у неё было двадцать четыре месяца, а в марте осталось двадцать три. Врачу она верила, хотя он назвал приблизительный срок, но дела плохи.

После того как прошёл первый приступ ярости, Фей вернулась к нему и потребовала объяснений.

— Коротко говоря, — доктор Гриффин вывел на монитор результаты её кардиограммы и ангиографии, — к вашему обычному диабету добавились ишемия и тромбоз, о которых я предупреждал ещё несколько лет назад. И всё это на фоне обструктивной болезни лёгких. Ничего неожиданного, как по учебнику.

— Это, конечно, большое утешение для меня, — кивнула Фэй. — Вы в таком случае наверняка знаете, как оно лечится — таблетки и всё такое? И не трудитесь произносить то мерзкое слово на «П». Я знаю! Я в курсе! Ещё что, кроме этого?

— Боюсь, кроме этого мне нечего сказать.

---

^{*} Согласно ветхозаветной Книге пророка Даниила — слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона. Буквальный перевод с арамейского «мина, шекель, полмины» — «взвешен, измерен, оценён».

Малвка и разговоры, что о море

— Что, совсем ничего, вся современная медицина не может предложить мне ни колёс, ни уколов, ни операций? Можно ведьшить желудок...

— В комбинации существующих заболеваний хирургия бессильна, если коротко. Если подробно — с такими лёгкими вы не сможете выйти из наркоза...

— Но я же бросила курить ещё в прошлом году!

— За это я вам бесконечно благодарен...

— ...И набрала ещё полсотни фунтов.

Именно этот рывок к здоровью привёл Фэй в клуб 333. Смешно. Беседа с доктором чаще всего доставляла Фэй некоторое удовольствие, они перебрасывались короткими ехидными репликами, мрачноватый юмор Гриффина обычно не задевал. Но в последнее время она утратила самообладание, трудно держать себя в руках, когда слышишь: «Вам осталось два года».

— Ладно, так отчего я, по-вашему, умру? — Фэй была почти спокойна, ей удалось отложить переживания на потом и вести разговор, как светскую беседу. Она вообще была чемпионом по откладыванию проблем, чего уж там.

— О, это как скачки. — Доктор Гриффин позволил себе улыбнуться. — Мы можем гадать, какая из лошадок придёт первой, — диабет довершит свои разрушения, оторвётся тромб, откажут лёгкие или не выдержит сердце. Не хочу сказать, что вы вышли на финишную прямую, но считайте, она за поворотом.

— Это будет медленно и больно?

— С высокой вероятностью, всё произойдёт быстро, но ничего гарантировать не могу.

— И что, никаких шансов?

Марта Хетра

— Ну почему же, если не всё, то многое в ваших руках, как и прежде. Я дам вам направление к диетологу, вы же посещали его?

— Неоднократно, — кивнула Фэй.

— И наверняка получили рекомендации. Но в свете новых данных диету нужно ещё немного подкорректировать, тромбоз выдвигает нам дополнительные требования, так сказать...

«Меня и прежние не очень-то устраивали», — хотела сказать Фэй, но промолчала, наблюдая, как доктор распечатывает послание диетологу. Взяв направление, она вздохнула:

— Вы же понимаете, что, если бы я могла удержаться на диете, давно бы похудела? Я делаю это не нарочно.

Гриффин снял очки и устало потёр глаза.

— Я всё понимаю, Фэй, и уважаю и ваши усилия, и вашу честность. И потому говорю как есть. Или мы пытаемся затормозить процессы на фоне диеты и умеренных, крайне осторожных физических нагрузок, или вы не дотянете до сорока пяти.

В сущности, он был хорошим человеком, одним из немногих, кто соглашался честно лечить таких, как она. Большинство врачей, по сути, отделялись фразой: «А что вы хотите с вашим весом?» Если старику сказать «А что вы хотите в вашем возрасте?» — легко угодить под суд, а от толстяка можно отмахиваться бесконечно. Конечно, у вас болит спина, а вы как думали — таскать такую тяжесть. Конечно, не справляются сердце, лёгкие и печень. Конечно, у вас чудовищные отёки. Конечно, вы скоро умрёте — а вы как хотели? А она хотела жить.

Мелко и разговорно, что о море

Фэй оскорбляло нежелание врачей хотя бы вникнуть в её проблемы. Кажется, явись она к ним с царапиной на пальце, её с порога встретят фразой: «Сначала похудейте». Доктор Гриффин пытался объяснить поведение коллег:

— Но, Фэй, вообразите, что на ваших глазах человек отпиливает себе ногу. И требует при этом остановить боль, кровопотерю и моральный дискомфорт. Что мы можем сказать ему на это?

— Псих, прекрати отпиливать себе ногу. Да, я понимаю. Но я не могу остановиться не из-за ослиного упрямства или безумия. И мне очень больно.

Самое страшное в этом разговоре, что доктор Гриффин в ответ промолчал. Смотрел с бесконечной грустью и состраданием и молчал, не делая попыток её успокоить, не обещая, что всё обязательно наладится. Именно тогда Фэй острее всего почувствовала: помощи ждать неоткуда.

Одного Фэй не поняла — почему это случилось именно с ней. Ну да, лишний жир. Никто не спорит, она не просто «полновата», а уже очень толстая. Но ведь бывает и похуже, у иных вес почти в два раза больше, чем у неё, они уже не могут ходить, а всё-таки живут. Женщины же её габаритов и вовсе оказываются энергичными и сильными. Фэй коллекционировала ссылки об успехах полных женщин, причём не в похудении, а в искусстве и бизнесе. Читала об одной, перескочившей в 444, которая работала вебкам-моделью, устраивая в Интернете шоу разной степени приватности. Не говоря о знаменитой Мисси, вполне пристойной мо-

Марта Хетра

дели плюс сайз. Её фото обошли обложки всех глянцевого изданий; она могла бы вступить в их клуб 333 и при этом родила, ведёт активную жизнь и, судя по Инстаграм, занимается спортом и путешествует. Да, конечно, Мисси едва за тридцать, а Фэй на десять лет старше, да и потяжелее будет. Да, она была толстой с детства и никогда не отличалась хорошим здоровьем. Да, её организм изнашивается в разы быстрее, чем у худышек. Но боже мой, почему же настолько быстро?!

Кстати, Розмари ненавидела Мисси. Когда Морган предложил сделать ту символом клуба 333, Розмари страшно разоралась:

— Запомни, эта сучка Мисси не нравится нам, большим женщинам! Она кумир для обычных комплексующих девиц — тех, кто весят по сто восемьдесят фунтов и считают себя жирными. Они смотрят на неё и думают: «Вот, можно быть ещё жирнее и оставаться красоткой». А нас ей провести не удастся. Мы-то видели такие же тела в зеркалах и знаем, что целлюлит ей зафотошопили, талию подрисовали, складки разгладили, подбородки подшили. Всё это та же самая ложь об идеальных женщинах, только чуть адаптированная.

Позже, в баре, Розмари продолжила обличать Мисси, нервно прихлёбывая апероль шприц:

— А Инстаграм, ты видела её Инстаграм?

— Ну да, — меланхолично ответила Фэй. — И там, кстати сказать, она жир не фотошопит. Все двести складочек над коленками как на ладони. Не к чему придраться.

Малька и разговоры, что о море

— Но во всех видосиках она ведёт себя, как шлюха! Отклячивает жопу, открывает рот и облизывается так, будто говорит каждому встречному: «Эй, ты, можешь засадить в любую из моих складок». Мерзость, какая мерзость.

— Ну, дорогая, зачем ты так? — Фэй очень хотела выглядеть справедливой, хотя ей тоже не нравилась Мисси. — Она модель высокого класса с огромными контрактами, ей нет нужды заниматься проституцией.

— Подумаешь, у таких шлюх просто клиенты другого уровня, какие-нибудь арабские шейхи, готовые заплатить за секс со знаменитостью.

— Не забывай, она замужняя женщина и мать. Нет, я думаю, дело в другом. Сексуальность обеспечивает самке безопасность. Она как бы сообщает: «Не убивай меня, я могу тебе пригодиться, меня ещё можно трахнуть». Не убивай, не бей, не оскорбляй.

— И сильно ей это помогло?

Фэй знала, что это не работает, она видела в Инстаграм Мисси нашествия хейтеров — комментарии, сочащиеся ненавистью, блюющие смайлики, свинные рыла, горки дерьма. Она иногда заходила к их авторам и рассматривала симпатичных загорелых парней, демонстрирующих свои автомобили, лыжную экипировку и полное довольство жизнью. Она видела и пузатеньких мужичков средних лет, разгневанных тем, что какая-то баба не желает обслуживать их представление о сексуальности. Это были и женщины разного вида и возраста, возмущённые наглостью Мисси, которая «позволяет себе» — позволяет себе быть яркой, фотографироваться го-

Марта Хетра

лой, одеваться так, как они не смеют, будучи вполвину легче, смеяться, быть знаменитой, жить. Когда Мисси ломалась, вешала свои заплаканные селфи и писала о депрессии, среди тысяч поддерживающих комментариев эти люди писали ей: «Просто похудей! Возьми себя в руки, жирная сука, прекрати позориться, перестань жрать и ПОХУДЕЙ!!!»

Ах, если бы. Если бы она могла. Если бы все они могли.

Главной мечтой и главной мукой Фэй была одна картинка из рекламы, которую часто использовали самые разные компании, паразитирующие на толстяках: женщина снимает с себя слои жирного целлюлитного тела, а под ним обнаруживается тонкая гибкая фигура. Фэй даже во сне видела, как уверенными движениями высвобождается из складок, будто стаскивает с себя огромные пуховые штаны, скатывает ненавистную плоть, а под ней оказывается настоящая Фэй. Легкая, худенькая и очень счастливая. После таких снов она всегда просыпалась с ощущением ликования, а потом долго отчаянно рыдала.

22

Всё началось с синего шёлкового платья. Струящегося, нежнейшего, ослепительно дорогого и на три размера меньше, чем то, в которое Фэй могла втиснуться хотя бы теоретически. То есть по меркам обычной женщины оно всё равно считалось огромным, но для Фэй это была вещь из другой

Малька и разговоры, что о море

жизни, где такие, как она, наряжаются, сияют и кружатся в облаке шёлка и света. Оно висело в витрине, отбрасывая холодную сапфировую тень, и все вещи по соседству выглядели линиялыми тряпками на его фоне.

Фэй толкнула дверь, вошла, и к ней тут же устремился белокурый хрупкий продавец.

— Только двадцатый размер, к сожалению, единственный экземпляр. — Он был вежлив и не выказывал раздражения или пренебрежения.

Фэй привыкла, что она не самая желанная гостя в бутиках. Нет, байеры не сбрасывали толстяков со счетов, ведь примерно четверть взрослого населения Америки имела серьёзную степень ожирения, глупо игнорировать такую огромную аудиторию. Но чаще всего полные люди довольствовались унылым масс-маркетом и несколькими линиями, которые создали модели плюс-сайз. Существовала и ниша неких карнавальных костюмов, призванных шокировать окружающих и бросать вызов классическому вкусу. Такие шмотки вопили: «Смотрите, я имею право быть жирной и крутой, мне плевать на ваше мнение!» Это, безусловно, прекрасно, но Фэй не хотела, чтобы её одежда вопила. Серьёзные же модельеры всё ещё считали себя революционерами, если выпускали вещи шестнадцатого размера, и служба дорогих салонов чаще всего смотрела на Фэй со снисходительным недоумением: ой, а такое бывает вообще? А зачем оно приползло?

Но этот парень, казалось, не видел ничего плохого в её объёмах и только сожалел, что ничем не может помочь.